

Ира — моя сестра. Она на пять лет меня младше и тогда, в свои 17, она выглядела просто сногшибательно: светлые, до пояса, волосы; стройные, длинные ножки; симпатичное личико: большие голубые глаза, красивые губы. И внушительная (в отличие от мамы) грудь. Размер, наверно, пятый! Да, наверно, всё-таки, пятый... Ну или, может, чуть больше! Гены своего отца взяла: у её тётки по отцу и у её сестры двоюродной буфера тоже — дай Боже каждому! Каждой!

Мы с мамой каждый день занимались любовью! Спускаться ей ко мне было не удобно (мы с Ирой засыпаем поздно), поэтому она, как молодая, горячая и недотраханная девчонка, выгадывала момент днём, подходила ко мне и шептала мне на ухо: «Приходи сегодня ко мне ночью!» Весь вечер мы старались не смотреть друг на друга, а ночью, часам к двум, когда Иришка закрывала к себе дверь, я тихо поднимался к маме. Она ждала меня в постели, укрывшись одеялом, и полностью голая под ним. «Раздевайся!» — шептала она и, откинув край, приглашала меня к себе. Час-полтора-два мы кувыркались по постели, целовали друг друга. Она много и с наслаждением сосала меня, я нежно и страстно лизал её. Мы отдыхали, гладили друг друга совсем не по-материсыновьи! Потом я спускался к себе в комнату и просыпались мы в разных постелях. Две недели пролетели, как два дня, но вот...

... Я сидел на первом этаже, в зале. По телеку начинался какой-то фильм, я листал какой-то журнал. Зашла Иришка и села на другом конце дивана, обняв руками поджатые ноги и уткнувшись носиком в колени.

— Саш?

— М-м-м?

Она молчала, я читал. Я дочитал статью, перевернул страницу и вспомнил, что Ирка о чём-то спросить хотела.

— Чё, Ириш? Какая-то ты сёдня сама не своя... Случилось чё?

Она немного помолчала и, глядя сквозь пол, сквозь дом и сквозь планету, произнесла:

— Мама изменилась... Ты заметил?

— Да нет, по-моему.

— Изменилась. У неё разговор поменялся, интонации... А вчера, когда я вышла утром на кухню, то услышала, как она поёт. Она пела, Саш! Ни разу от неё не слышала такого!

Ирка помолчала немного.

— У неё кто-то появился... Не знаешь кто? — она резко вскинула голову и, не мигая, в упор посмотрела на меня. Она не улыбалась, глаза её не смеялись, а брови сошлись вместе, образовав строгую вертикальную полоску.

— Да ладно, Ир, ну откуда мне-то знать!? Может у неё что-то хорошее произошло или просто приятное... Не знаю... Ну, мало ли!

— Саш, не включай дурочку — тебе это не идёт!

— Не знаю, о чём ты, но думаю, что...

— Посмотри это, — перебила она меня, протянув мне небольшую видеокамеру JVC, неизвестно как оказавшуюся у неё в руках — сможешь прокомментировать?

— Что это?

Я взял камеру и неуверенно покрутил её в руках, как будто в первый раз увидел.

— Там уже всё перемотано — включай, — сказала Ира.

Уже догадываясь, что я там увижу, я с тяжёлым вздохом нажал кнопку «play». Началось воспроизведение, но экран оставался чёрным. Хотя это был уже не мёртвый чёрный экран: чернота была живая и тёмно-синие квадратики, пробегающие на жидкокристаллическом экране, говорили о том, что камера в момент записи куда-то «шла». Бесшумно приоткрылась дверь на экране — белая дверь, чуть светлее черноты — и камера заглянула механическим глазом в образовавшуюся щель. (Эх, мама, не любишь ты запертые двери!...) Экран показал в комнате две фигуры на фоне тёмно-синего прямоугольника окна. Они стояли полубоком-полузадом к камере. Одна фигура, наклонившись вперёд, опиралась руками на постель и на прикроватный столик, а другая, держа первую за бёдра, двигалась сзади, издавая негромкие шлёпающие звуки. Это были мы: я и мама. Не смотря на черноту экрана, я даже различал её, колыхающуюся в такт моим толчкам, правую грудь! А может это просто память подсказывала мне это... Ира протянула руку и выкрутила колёсико громкости на максимум. Не громко, но довольно отчётливо, камера зашептала маминым голосом:

— Да, малыш, дааааа... Да... Давай... Я хочу кончить... Хочу, малыш!... Ммммм, дааааа...

Держись, Сашенька... держись... Я сососу тебе, малыш... ДААААА... Дай мне кончить, родной! Я вышел из мамы, сделал пару шагов назад, к двери и камера, судя по картинке, быстро ретировалась за дверь и запись оборвалась. Наступила тишина.

— Как это случилось?

Я посмотрел на Иру. Она ждала ответа.

— Расскажи, Саш... Чё уж теперь скрывать-то?!

— Ну... Это было... Как тебе сказать-то...

И я ей всё рассказал. Первые три дня — подробно, а следующие — эпизодически. Я рассказывал с собственными комментариями, с моим отношением к случившемуся. С моими мыслями, переживаниями и страхами за возможные страшные последствия. Она слушала нахмурясь, но лицо её понемногу светлело:

— Неделю???... М-м-мда-а-а, её поведение изменилось как раз тогда, когда вы приехали с дачи... Да-а-а, мам... Мама????!!!... Вот уж не ожидала и даже не подумала бы! Ну ты-то ещё ладн... Хотя... Тоже не подумала бы. М-м-мда-а-а... В тихом омуте, как говорится...

Мы проговорили долго и когда разошлись по своим комнатам на покой, она уже, наверное, не боялась. Даже смертельный приговор страшен только по первому разу! А если судья-маразматик начнёт зачитывать его в третий раз, то подсудимый может начать позёвывать.

— Ир, ты чай будешь?

— Нет, я — спать.

— Спокойной ночи.

— И тебе тоже. Ты пойдёшь к ней? — она понизила голос.

— Нет, Ириш... Мне стыдно, перед тобой. Я не смогу сказать ей о нашем разговоре и мне будет стыдно перед ней... Столько стыда за один вечер — это выше моих сил. Ириш, мы бесконечно виноваты друг перед другом и перед тобой! Но... Если это выйдет за стены этого дома, то...

— Ну чё ты со мной, как с маленькой? Чё, думаешь, не понимаю, что ли?

— Прости, Ириш! Конечно ты не маленькая и всё-всё понимаешь... Не сомневаюсь в тебе ни секунды! Прости нас, если сможешь. Мы — грешные люди. Господь наши души не возьмёт!

— Ладно, давай отдохнём! Да, она такая, но это моя семья и я не хочу её лишиться! Надо подумать... До завтра!

Я пошёл к себе. Попытался посмотреть фильм — не смотрится. Почитать попытался — не читается: слова скачут с места на место сначала по строке, потом уже по всей странице. Через полчаса-час я пошёл покурить и, проходя через зал, недалеко от Иркиной комнаты, услышал слабый-слабый всхлип, как мне показалось. «Блиииииин, плачет что ли?! — подумал я, — только этого нам не хватало! Надумает щас себе всякой ерунды!» Я подошёл к её двери и приложил ухо к тонкой щели. Глубокий вздох... Ещё один... Слабый-слабый стон... Потом «Да, малыш, дааааа... Да... Давай... Я хочу кончить... Хочу, малыш!... Ммммм, дааааа... Держись, Сашенька... держись... Я пососу тебе, малыш... ДААААА... Дай мне кончить, родной!» Тишина. Снова глубокий вздох... И ещё... И снова «Да, малыш, дааааа... Да... Давай... Я хочу кончить... Хочу, малыш!... Ммммм, дааааа... Держись, Сашенька... держись... Я пососу тебе, малыш... ДААААА... Дай мне кончить, родной!» Да уж, Иришка... В тихом омуте! Я покурил, пошёл к себе и завалился спать.

Второй раз за этот месяц я проснулся от минета. Простыня над моим членом отчерчивала голову и плавно двигалась вверх-вниз, не быстро, но ровно. В этот раз я проснулся гораздо быстрее, чем тогда, на даче:

— Ммммм, мам... ммммм... Что ж ты делаешь, чертовка?... ммммм... А Ирка зайдёт?... ммммммм... Или её нет?...

— Да нет, она здесь.

Простынь сама стянулась к ногам и на меня посмотрели Иркины голубые глаза из-под светлой чёлки. Она была голая! Её огромная грудь тёрлась мне о бедро. Она крепко держала в кулачке мой член и, глядя на меня, язычком касалась головки.

— Ирка!!!...

Я приподнялся было на локтях, чтобы выскочить из-под неё, но... Она голая. Я — голый. Мой член у неё в руке и почти во рту. Её грудь лежит на моей правой ноге. Я протянул руку и погладил её по щеке:

— Ир, а мама...

— Потом поговорим, — она накрыла мой член своим горячим ротиком — нет её.

— Ммммммм... Ирка!...

Она дрочила его себе в ротик, облизывала и обсасывала головку, язычком гуляла по стволу и сжимала ладошкой яйца. Я протянул руку и стал гладить её грудь — она такая большая и такая упругая! Ира встала на четвереньки и, не выпуская члена изо рта, перелезла через мою ногу. Она встала сбоку от меня и теперь я гладил её бедро и попку. Я поднял руку по внутренней стороне бедра до её пиздёнки и она с готовностью расставила ножки в стороны. Я облизал свои пальцы и прикоснулся к её клитору. Она резко дёрнулась. «мммммм» — вырвалось у неё. (специально для egoto.ru — сексителейз.ру) Я то быстро теребил его, то (это ей нравилось гораздо больше) влажной подушечкой большого пальца несильно надавливал на него и двигал пальцем, пытаясь выяснить о нём всё: его размер, его форму, его твёрдость, её стоны... Она стонала не стесняясь! Я чувствовал, что потенциал у неё ещё есть, но член во рту не давал делать ей это ещё громче. Я сложил вместе два пальца и глубоко загнал их в её киску. Она взвыла, выпустила мой член изо рта и, держа его рукой и не сильно дрожа, упала лицом мне на живот. Я вытащил пальцы больше, чем наполовину и медленно ввёл их снова в неё до упора.

— АААааааа... ммммм... ааааааа

Я стал ритмично трахать её пальчиками. Не очень быстро, но глубоко. Так... Ещё... Ещё раз... Так...

— А!... оооА!... оооА! Ммм... А!...

— Ирочка... Милая... Возьми его... поцелуй!

— ААА... ммммм... даже мама... ммммммм... жёстче... ммммм... ААААААА... говорит!

— А тебе надо жёстче?...

— АААаааааа... ДА!!!

— Пососи мне, Ирка!... Будешь сосать, пока я не кончу тебе в рот?

— ДАААААА! НЕТ!!!

— Нет? Не хочешь сосать?

Я прибавил ещё один пальчик и трахал её уже тремя.

— ААААААаааааа... Блядь! ХОЧУ!

— Так соси, девочка! Чё тормозишь?

Она накинулась на член своим ротиком. Облизывала его, сосала, причмокивала... Она подняла попку, слезла с моих пальцев и, задышавшись, упала на спину рядом со мной. Я протянул руку к её груди и стал ласкать: гладить, мять и сжимать её. Она потянула меня за руку на себя и посмотрела мне в глаза:

— Выеби меня!... ммм... Давай... Выеби!... Давай же! Я — не мама: ломаться не буду!...

Руку она просунула между нами вниз и уже держала мой член в кулаке, направляя его в себя.

— Давай... ммммм... Воткни в меня... Всади мне...

Я двинул тазом резко вперёд и пронзил сестру своим хуем! Я стал двигаться в ней быстро и глубоко. Её огромная грудь плясала в такт моим ударам.

— Даааааа... Давай, ещё... Трахай меня... Ммм... ААаааа быстрее... ну быстрее же... Ну!..

— Аааааммммм... Ира... Ириша... Я так давно тебя хотел, милая...

— АААААААААААааааа... дождался!... Тогда еби... ммммммм... чё болтаешь...

АААААааааааа...

Мог ли я подумать, что у меня ТАКАЯ сестра!? М-м-мда-а-а... В тихом омуте...

— Нра... ААААААААаааааа... ммммм... Нравятся мои дойки?... ммммммм...

— Да, Ирка... ДАААаааааааааааааа... Ммммммм... Какие классные сиськи у тебя... ммм...

Сиськи, Ирка...

— Кончи на них... Ммммм... ААААаааааа... давай!...

— А ты?... ммммммм... Ира...

— Ммммммм... аааааа... я уже... хххмм...

Я закинул её ноги себе на плечи — так я кончаю быстрее — и стал отчаянно долбить её киску! Толчок... Ещё толчок... ещё... Ещё раз! Я почувствовал, что кончаю. Скинул её ноги с плеч и подтянулся на руках выше к ней. Она схватила мой член и, закрыв глаза, широко раскрыв рот и всё ещё задышавшись после этой ебли, стала драть себе на грудь. Член в последний раз напрягся и выстрелил струю спермы ей... в рот! Она распахнула глаза, попыталась вытолкнуть её языком, но я резко нагнулся к ней и засосал её страстным поцелуем. Она сначала упёрлась ладошками мне в грудь и попыталась оттолкнуть меня, но, буквально, через секунду-две расслабилась, обняла меня за плечи и нежно ответила на поцелуй.

Мы лежали, обнявшись, под одним одеялом.

— Мама-то где?

— Она ушла утром — я её провожала. Сказала, что ей к тётке Тане нужно заехать, а потом — на рынок. А потом — домой, видимо.

— М-м-м... А давно?

— Часа полтора, как.

— То есть, мы с тобой ещё поваляемся? С Александровки до Северного час добираться, не меньше. Потом обратно. С тёткой Таней она ещё покалякает — я уверен. Ну и рынок...

Нахичевань нашу маму быстро никогда не отпускает.

Ирка уткнулась мне в плечо.

— Ты чего, Ириш? Нормально всё?

— Нормально. Мне хорошо...

— Как же ты решилась? Когда? Почему?

— Вчера ночью. Я подумала, что если мы не переспим, то я не смогу с этим жить. Как ты говорил вчера? Крах семьи? Во-во, именно это и было бы. Я бы жутко завидовала бы матери. Причём завидовала бы не оттого, что мне хочется трахаться, а оттого, что я просто, тупо, не могу! Знать, но не иметь — это было бы ужасно! Это был бы ещё один закон из тех жутких законов, которые нам устанавливает Бог: смотри, но не трогай руками... Трогай, но не пробуй на вкус... Ладно, пробуй! Но не вздумай глотать!... Наверное, это привело бы к войне. К третьей мировой войне в отдельно взятой семье. Уже сегодня ночью я почувствовала что-то вроде ревности, поэтому я решила, что мы сможем вместе жить, только если я узнаю всё! А способ ты мне сам вчера рассказал. Я не жалею... Не знаю, что будет завтра, но сейчас — не жалею!

Если кому-нибудь интересны подобные отношения, пишите на ere1979@yandex.ru